

Глядя на это с точки зрения дипломатии, отправка второго принца в опасную область, как это показывало, что их могущественная империя очень заботится о племени. Это был способ показать, что они проявляют уважение, и, кроме того, если племя не прислушивается к их требованиям, это оказывает давление на племя, что они не дают лицо принцу империи. Это была великая дипломатическая тактика, однако незрелый принц поставил все под удар, сочась ядом.

«Этот чертов тупой принц! Из-за него мы только что потеряли тысячи самых жестоких воинов! Кроме того, потенциальная опасность... Что ты будешь делать, если эти воины решат, что будет лучше сдружиться с королевством Роджини...»

Джанет мысленно ругался на Шаруло Фьюри Сайленса, который высокомерно смотрел на него.

Шаруло Фьюри Сайленс был таким типом знати, которые в действительно весьма бесполезны, но важны из-за своей королевской крови.

Если у вас нет способности к переговорам, то лучше вообще заткнуться. Однако у этого принца даже в этом направлении мозги не работали. В самой империи он был настоящей головной болью королевской семьи, потому что делал, что вздумается, обогащался за чужой счет и использовал любые методы для этого.

Однако среди всей королевской семьи только его старший брат, наследный принц Шаон Фьюри Сайленс III, жалел своего незрелого младшего брата. А потому наставлял его и старался сделать из него человека.

Наследный принц Шаон знал, что Парейя не примет их указа и будет всячески избегать ответа, однако в конце концов им придется подчиниться и поделиться своими воинами. Вот почему он отправил к ним своего брата со знающим дипломатом. Так он смог бы укрепить статус младшего брата.

Пусть ты и принц, но, если на твоём счету нет каких-либо заслуг, ты падешь и станешь бесполезным. Чтобы у брата появились хоть какие-то заслуги, он послал его с заданием, которое в любом случае должно было закончиться успешно.

Поняв причину, по которой наследный принц отправил своего брата с ним, Джанет все обговорил перед встречей со вторым принцем и напоминал снова и снова, чтобы тот не ущемлял гордость воинов пустыни. Но даже сейчас этот проклятый идиот оказался причиной еще большей проблемы.

Джанет с беспокойным взглядом посмотрел на Освещенного и его сына. Лицо Освещенного Багуны стало красным, но не сдерживался и его сын, который встал и начал кричать:

«Может ты и принц Империи, но прямо сейчас, если мы будем говорить на вашем языке, ты находишься перед королем! Разве ты не думаешь, что твои слова, как минимум, оскорбительны?!»

Освещенный Багуна, должно быть, был действительно зол, раз не стал останавливать своего сына и продолжал наблюдать со стороны. Даже у терпения есть свой лимит. Гордость воина пустыни не просто слова, что уж говорить о гордости Освещенного, который управляет такими воинами.

«Хочешь сказать, что нападешь на меня?! Ты, должно быть, хочешь лишиться головы за измену!»

Шаруло не отступал, он тоже встал со своего места и начал кричать, едва не выплевывая свои легкие. Юлиан крепко сжал кулаки, прежде чем ответить:

«Здесь не твоя империя, а пустыня племени Парея. Как ты думаешь, с кем ты говоришь и о какой именно измене?!»

Кто осмелится говорить с ним в таком тоне в империи? Он никого не боялся, кроме брата и отца, потому что каждый знал, чей он сын и брат.

Лязг!

Шаруло вытащил из-за пояса свой меч и сразу начал атаковать Юлиана.

Багуна был удивлен, а Джанет ошеломлен. Дипломат знал, что принц придурок, но он никогда бы не подумал, что до такой степени! Если бы он хоть на 1/1 000 был похож на своего брата, на наследного принца, то никогда бы не сделал чего-то подобного.

«Юлиан!»

«Принц!»

Даже несмотря на крики Багуны и Джанета, меч Шаруло продолжал нестись на Юлиана.

В момент, когда он подумал, что вот-вот разрубит Юлиана, перед его глазами промелькнул большой железный меч и без усилий выбил меч из рук принца.

Юлиан больше не мог сдерживаться и поднял свой двуручный меч, чтобы отправить меч Шаруло в недолгий полет.

Меч, который был выбит из рук принца, взлетел высоко в воздух, прежде чем вылететь наружу.

«Когда мне сказали, что нынешний «принц» Парей чрезвычайно талантливый юноша, они явно не шутили».

Будучи дипломатом, Джанет учился на госслужащего и не знал о боевом искусстве. Однако он был тем, кто повстречал многих торговцев оружием, воинов, рыцарей из разных народов.

Он видел много рыцарей в своей жизни, но мало кто из них мог так свободно орудовать большим железным мечом, как это делал Юлиан. Даже просто взглянув, можно было сказать, что двуручный меч очень тяжелый. Одному простому человеку не под силу его поднять.

Наблюдая за тем, как меч вылетает из его рук, Шаруло покраснел от смущения, начиная кричать:

«Как ты смеешь замахиваться на меня мечом! Ты должен молить о смерти! Одного лишь моего слова будет достаточно, чтобы стереть ваше варварское племя с лица земли!»

«Что за херню ты вякаешь!»

Юлиан был так зол, что покраснел. В тот момент, когда он собрался взмахнуть двуручным мечом, Джанет почувствовал, что если он позволит этому продолжаться, произойдет что-то серьезное, и быстро заговорил:

«Принц Шаруло, я не позволю вам продолжать так говорить. Не забывайте, что я получил все полномочия на это путешествие. Это разрешение мне выдал мудрый наследный принц Шаон Фьюри Сайленс III, который исполнял приказ своего отца, великого императора Шаона Фьюри Сайленса II».

Шаруло посмотрел на Джанета, который начал ругать его, упоминая его отца и брата, и тихо вышел из пао. Даже Шаруло не мог идти против воли отца и старшего брата.

Когда Шаруло вышел, Джанет достал платок и вытер со лба пот, после чего поклонился Багуне и почтительно начал:

«Я прошу понимания, Освященный Багуна. Принц, должно быть, очень устал с дороги и был очень раздражен».

«Так ты говоришь, что ваша королевская семья оскорбляет кого-то и нападает на него с мечом,

если просто раздражены?!»

Слыша голос Багуны, полный гнева, Джанет знал, что этот их визит не обернется ничем хорошим. Скорее это им придется откупиться, отдать много хорошего товара, чтобы успокоить отца с сыном.

Сейчас, если они потеряют Парею, это значит, что они лишатся черной воды, которая так нужна им в предстоящей войне. Кроме того, как ни посмотри, а это именно их вина. Даже используя весь свой словарный запас красноречивый фраз, который он изучил, будучи дипломатом, он не смог бы извиниться за слова принца.

«Я, Джанет, извиняюсь от имени принца за оскорбление почетного имени воинов Парей. Я обязательно заплачу за причиненный ущерб от его имени».

Юлиан снова вспылал, начиная кричать на Джанета:

«Ты действительно считаешь, что сможешь найти достойную плату, чтобы компенсировать ущерб, нанесенный гордости воина?!»

«Мне действительно жаль. Я могу только надеяться на понимание и прощение Освещенного Багуны, Милосердного Взора».

Багуна покачал головой на слова Джанета. Мужчина определенно был хорошим дипломатом. Как посланник империи, он мог бы задрать нос и не скрывать высокомерия, однако этот дипломат был другим. Он был «ветераном», который заставлял чувствовать угрозу в обычных словах. Если бы дипломатом был человек, подобный идиоту принцу, с ним было бы намного легче справиться.

Поскольку Багуна не планировал начинать войну с Империей Тишины, он решил притвориться, что принимает их извинения, прежде чем отправить их обратно. В течение, как минимум, года, они не смогут предъявлять каких-либо требований.

Багуна жестом руки указал Юлиану, чтобы тот молчал.

«Я полагаю, что принц сказал подобное, потому что у него не было возможности узнать нас получше. Так же причиной может быть его молодость и горячность».

«Я, Джанет, благодарю вас, Освещенный Багуна, Милосердный Взор, за добрые слова».

«Сегодня мой день рождения. Пусть в такой счастливый день и произошло нечто плохое, вы преодолели долгий путь, чтобы поздравить меня. Так отпразднуйте с нами, прежде чем уехать».

«Поскольку вы упомянули о этом, мы привезли с собой подарок для Освещенного Багуны. Мы предоставляем вам две повозки с железом, в качестве подарка на день рождения Освещенного Багуны-нима. Надеюсь, вы с удовольствием примите его».

Джанет точно знал, о чем думал Багуна, но он улыбался, играя свою роль. Такова дипломатия. В конечном итоге, ему придется вернуться в империю с пустыми руками, отдав все железо, которое они привезли для торговли. Но теперь и такая концовка была хорошей новостью для империи.

Юлиан был очень расстроен, слушая отца и Джанета.

«Я уверен, что отец все еще зол. Чтобы стерпеть такое оскорбление... Но нужно сдерживаться... Держать себя в руках...»

Он также был опечален тем, что в один прекрасный день ему придется также терпеть оскорбления и держать лицо.

В этот момент Багуна негромко произнес:

«Юлиан».

«Да, отец».

Багуна долго смотрел на Юлиана, прежде чем шевельнуть губами. Казалось, он хотел что-то сказать, но сдерживался, прежде чем снова позвал сына по имени.

«Юлиан».

«Да».

«Не забывай».

«Я не забуду».

Отец и сын стояли в тишине. Глаза двух мужчин были полны ненависти.